

Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны
/часть II/*.

Судьба финских эсесовских добровольцев, которых на рубеже лета 1941 г. начали покидать родину и переправляться в Третий рейх сразу же стала складываться не так, как возможно они сами хотели. Волонтеров на кораблях доставляли в Данциг, а затем по северному побережью Германии через Штеттин переправляли в город Штральзунд, где, собственно, уже опять началась их очередная сортировка. Причем для завербованных финнов стало весьма неприятным сюрпризом то, что их разделили на две части. Одних, порядка 412 человек, прошедших горнило «зимней войны» и умевших хорошо воевать, немедленно начали рассредоточивать «среди немцев, норвежцев, датчан, голландцев и фламандцев» по подразделениям дивизии ваффен-СС «Викинг» /1/. Фактически, они полностью растворились в различных подразделениях этой дивизии.

Других же, руководство СС решило предварительно еще «хорошо» обучить военному ремеслу. Их перебросили из северной Германии в центральную Европу, где волонтеры попали в эсесовские казармы Вены. Здесь из финнов, которых оказалось вместе с немецкими инструкторами порядка тысячи человек, стали создавать боевые подразделения. Конкретно там немецкое командование приступило к формированию отдельного финского батальона /2/. Но при этом стало показательным то, что в этом батальоне все, начиная с офицеров и заканчивая младшими командирами, являлись исключительно немцами /3/. Это происходило даже при условии того, что из Финляндии в качестве добровольцев на службу в СС записалось 125 финских офицера и младших командира. Очевидно, эсесовцы пока не совсем до-

веряли финнам в формируемом батальоне и им не находили соответствующие командные должности /4/. Естественно, что и «язык команд оставался немецкий,... так же как и немецкие песни, под которые маршировали солдаты» /5/.

Тем не менее, 18 июня 1941 г. этот батальон, состоящий из четырех рот, официально был уже сформирован. Он получил даже свое название - «Нордост», хотя, надо сказать, что это наименование не очень понравилось самим финнам и надолго не прижилось. В сентябре немцам пришлось от него отказаться. После этого батальон начал именоваться просто - «финский».

В батальоне, естественно, появился и свой командир. Им стал гауптштурмфюрер СС (капитан) Ганс Коллани /6/. Этот человек являлся достаточно известным в нацистских кругах фигурой. Дело в том, что до этого он проходил службу в качестве адъютанта у группенфюрера СС (генерал-лейтенанта) Йозефа Дитрих, командовавшего элитной дивизией «Лейбштандарт-СС Адольф Гитлер». Естественно, что навыки, которые он за это время получил у Й. Дитрих, считавшегося одним из наиболее жестких людей в эсесовском руководстве, могли быть теперь активно применены в отношении финских новобранцев. По воспоминаниям солдат учебного центра «Лейбштандарт-СС Адольф Гитлер», военная подготовка здесь осуществлялась крайне суровыми методами. По поводу принятой здесь в обучении новобранцев технологии оставил свои мемуары, закончивший эту «школу», военнослужащий дивизии Й. Вальтерс. Он писал: «Проходили неделя за неделей, дни были неотличимы друг от друга - все те же окрики, оскорбления, угрозы наших опекунов, воспитателей и командиров. Большинство их были люди грубые и весьма ограниченные...» /7/.

В итоге, надежды руководства Финляндии на создание целиком самостоятельного финского подразделения, которое бы лишь входило в состав эсесовских частей, сразу же не оправдались /8/.

Однако действия командования войск СС по расчленения

завербованных финнов на различные подразделения и выделение для них немецких командиров было, на самом деле, вполне прогнозируемо. Это было связано с тем, что в эсесовских частях система военной подготовки основывалась на идеологии, согласно которой «у солдат разных национальностей должна была быть сформирована единая общая велико-германская задача, которая превращалась в главную цель всех национальных групп» входящих в войска СС /9/. Поэтому, собственно, добровольцы и стали распределяться по разнородным в национальном отношении частям дивизии, а сами эти соединения начали создаваться не по признаку военной целесообразности, а «из политических соображений» /10/.

Более того, финны изначально стали рассматриваться офицерами СС в качестве обычных новобранцев. Это происходило, даже не взирая на то, что некоторые из них, прежде всего те, кто остался на севере Германии, уже имели воинские звания, а также обладали хорошим боевым опытом /11/. Несомненно, что подобное отношение к тем, кто уже прошел суровую школу «зимней войны», стало в достаточной степени унижительным /12/. Более того, не все то, чему финских волонтеров принялись обучать эсесовские инструкторы, было в военном отношении хорошо продумано. По мнению военного историка К. Ю. Микола, «наиболее очевидной слабостью войск СС являлось отсутствие у эсесовских офицеров хорошей командной подготовки» /13/. Эту мысль также разделял и фельдмаршал Э. Манштейн, который, говоря об эсесовском военном руководстве, прямо отмечал среди их командного состава отсутствие «военной подготовки», а также то, что их «командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии уже давно научились» /14/.

Такие же взгляды в годы войны сложились в отношении войск СС и у финского военного руководства. Считалось, что германские эсесовские части, воевавшие на финском участке фронта, были плохо подготовлены и «не требовалось много вре-

мени, чтобы заметить, что солдаты СС слабо обучены». Для финских фронтовых частей возникали к тому же проблемы, связанные с взаимодействием с эсесовскими подразделениями, где, как указывалось, командование «оказалось просто непригодным» к проведению конкретных боевых операций /15/.

Однако в Германии из финских добровольцев стремились, прежде всего, сделать «настоящих» эсесовских солдат. Поэтому военная подготовка имела весьма жесткий характер. В ней наибольшее внимание, прежде всего, обращали на воспитание у личного состава особой выносливости к тяжелым полевым условиям /16/, а также дисциплины и солдатской выдержки /17/.

Именно эти армейские навыки большинство финских волонтеров около полугода осваивала в Померании в учебном центре Гросс-Борн (современное польское название Борне-Сулиново), куда их доставили в августе 1941 г. Любопытно, однако, что новое место, где оказались финские эсесовцы, имело достаточно своеобразную направленность. Наряду с существующим там военным полигоном, здесь также был организован довольно большой концентрационный лагерь. В этот лагерь с началом Великой Отечественной войны стали интенсивно направлять советских военнопленных. Первые из них прибыли туда еще 27 июля /18/, т. е. раньше, нежели чем здесь появились финские эсесовцы. В результате, уже тогда, прибывшие из Вены военнослужащие, как минимум, могли воочию познакомиться со спецификой охраны, а также с организацией «воспитательной» службы СС в той системе концентрационных лагерей, которые создавались тогда нацистами. Кстати, в районе Гросс-Борна уже после войны было обнаружено около 20 тысяч захоронений военнопленных /19/.

Что же касается тех финнов, которым «особая» военная подготовка не требовалась, то они, приписанные к подразделениям дивизии ваффен-СС «Викинг», сразу же оказалась в строевых частях. Их прикомандировали либо к полку «Нордланд»,

состоящему из военнослужащих норвежского и датского происхождения, либо к полку «Вестланд», в котором значительную составляющую были солдаты фламандского и голландского происхождения /20/. Трудно было четко определить конкретные действия для 412-ти представителей Финляндии, распылённых по этим полкам.

Тем не менее, к концу июня основные части дивизии ваффен-СС «Викинг» были переброшены в немецкую Силезию в район города Бреслау (Вроцлав), а от туда, затем к 21 июня 1941 г. их перевели юго-восточнее Люблина, поближе к границе с СССР /21/. Таким образом, эта дивизия вошла в состав ударной немецкой группы армий «Юг» и ей предстояло вместе с другими немецкими войсками начать наступление на территорию Советского Союза в западную Украину.

Действительно, с 29 июня 1941 г. финские эсесовцы полков «Нордланд» и «Вестланд» вместе с остальными частями дивизии «Викинг» приняли активное участие во вторжении на территорию советской Украины. Причем, как свидетельствуют мемуарная и исследовательская литература, наступление здесь началось без особо серьезного сопротивления советских войск. Но значительным отличием в действиях этой дивизии от частей вермахта стало то, что ее подразделения стали, прежде всего, проявлять себя в особой жестокости, главным образом, по отношению к гражданскому населению тех районов, в которые они вступали.

Как вспоминает один из военнослужащих дивизии «Викинг» Г. Фляйшман, он лично наблюдал уже на первых километрах пройденных им по территории Украины «виселицы из врытых в землю свежих бревен». Далее описывая жуткую картину происходящего, он отметил: «Их было штук 50 на каждой стороне (дороги. - В. Б.), и на каждой болтался повешенный. Мы будто следовали через туннель из виселиц. И что самое страшное - среди повешенных мы не увидели ни одного военного. Все сплошь гражданские!» /22/.

Автор воспоминаний, однако, сразу же при этом открестился от причастности военнослужащих его дивизии к этим казням. Он указал на то, что по его наблюдению, их производили солдаты полиции СС другой дивизии, которая в эсесовских войсках называлась «Мёртвая голова» /23/. Это утверждение, тем не менее, выглядит более чем странным, поскольку известно, что упоминающаяся в мемуарах дивизия ваффен-СС «Мёртвая голова» начинала в 1941 г. свое вторжение на территорию СССР в составе группы армий «Север» и наступала в Прибалтике. Очевидно, что в данном случае подобные «неточности» были связаны, вероятно, с сугубо естественным желанием бывших эсесовцев уже после окончания войны, представить свою службу в столь специфических германских воинских формированиях более или менее пристойно.

Однако, как справедливо заметил в своем исследовании по истории дивизии ваффен-СС «Викинг» Р. Батлер, «нельзя утверждать, что никто из бойцов дивизии “Викинг” не был непосредственно замешен в убийствах» /24/. Показательным же являлось то, что расстрелы, которые в массовом порядке тогда стали организовывать на захваченных территориях, имели ярко выраженный расовый характер и касались, прежде всего, еврейского населения. Более того, именно в это время в дивизии в качестве врача служил известный своей жестокостью гауптштурмфюрер СС (капитана) Йозеф Менгеле. Он особенно печально «прославился» уже в 1943 г., когда из дивизии «Викинг» был переведен на должность одного из ведущих врачей концентрационного лагеря Освенцим (Аушвиц), где активно занялся «медицинскими экспериментами» над заключенными /25/.

В целом, с первых месяцев войны эсесовцы дивизии принялись энергично организовывать массовые казни на занятой ими территории. В частности, в начале июля 1941 г., как докладывалось в рапорте командования дивизии, «в местечке Зборов между Тернополем и Львовом было уничтожено 600 евреев в качестве ответной меры за жестокость советских сол-

дат» /26/. Тогда же по частям дивизии был отдан приказ, согласно которому указывалось, что теперь «убийство еврея не будет считаться проступком, заслуживающим наказание» /27/. Само это распоряжение было принято, после гибели командира полка «Вестланд» штандартенфюрера СС (полковника) Г. Вакерле. Кстати, именно в этом полку, как раз и проходили службу финские эсесовцы.

При этом следует учитывать, что на самом деле массовые казни гражданского населения еврейской национальности производились отнюдь не вследствие «мести» бойцам и командирам Красной армии или из-за каких либо неудач, постигших дивизию на фронте. Это были хорошо спланированными и продуманными действиями, которые специально организовывались на захваченных ваффен-СС территориях. Особенно кровавые расправы над еврейским населением были отмечены в городе Тернополе, где с 4 июля разместился штаб дивизии «Викинг» /28/. С этого дня в течение целой недели происходило массовое истребление еврейского населения этого города. В результате тогда там погибло до пяти тысяч человек /29/. Более того, в городе затем нацистами было основано и первое в Восточной Галиции еврейское гетто /30/.

Вообще же действительно путь следования по советской территории дивизии «Викинг» постоянно сопровождался кровавым следом массовых репрессий, которые по своей сути выражались в показательных казнях представителей гражданского населения. Такого характера репрессии были, в частности, проведены в Житомире /31/ и Радомишле. Здесь от рук эсесовцев дивизии «Викинг» погибло более 500 человек /32/. Причем убивали не только евреев, но и задержанных или арестованных в этих местах партийный, а также советских руководителей /33/.

Естественно, однако, что военнослужащие дивизии ваффен-СС должны была все-таки принимать еще участие и в боевых действиях. Но, как отмечает Р. Батлер, «танки дивизии прошли по пыльным дорогам Украины от Дубна (Дубно [Ровенская

область] - В.Б.) до окраин Житомира почти беспрепятственно» /34/. 9 июля сопротивление защитников Житомира было тоже быстро сломлено и тогда «"Викинг" отпраздновал свой успех, превратив город в руины» /35/.

Но по мере продвижения немецких войск на восток, сопротивление Красной армии начало нарастать. Особенно это стало заметно к началу осени 1941 г., когда части дивизии подошли к Днепру и приступили к его форсированию. В этом районе, действительно, разгорелись ожесточенные бои. Показательным при этом стало то, что финны тоже приняли весьма активное участие в этих боевых действиях. Именно полк «Нордланд», где служило достаточно большое количество финских эсесовцев, первым сумел форсировать эту серьезную водную преграду и захватил на левом берегу Днепра плацдарм. Однако, как отметил исследователь Т. Хоффман, потребовался еще целый «месяц непрерывных боев», прежде чем солдаты полка «Нордланд» смогли полностью переправиться через эту реку /36/. В результате, к этому времени финские эсесовцы уже потеряли 27 человек убитыми и 84 ранеными /37/. Это указывало на весьма печальную для них статистику, поскольку получалось так, что за первые три месяца войны каждый четвертый финский солдат в составе действующих войск ваффен-СС либо погиб, либо получил серьезные ранения.

Но характерным также стало еще и то, что финские эсесовцы в этих первых серьезных боевых столкновениях, как было замечено, проявили достаточно высокие боевые качества «солдат, словно выкованных из железа... способных даже из ада достать дьявола» /38/. Они тогда реально, с бесстрашием сражались «плечом к плечу» с немцами, а также с легионерами из других стран. «В эти дни, - отмечает один из военнослужащих полка «Нордланд», - немцы, датчане, норвежцы и финны сплотились воедино», а командир дивизии группенфюрер СС (генерал-лейтенант) Ф. Штайнер, к этому еще добавил, что солдаты, прошедшие тогда боевое крещение, стали «достойны того, чтобы быть

вписаны в историю немецкого воинства» /39/.

Так финны начали активно добиваться вместе с нацистами нового «жизненного пространства» для Германии. Естественно, при этом, они воевали еще и за общую победу в войне, и за будущую, наконец, «великую Финляндию», т. е. сражались за те же цели, что и сама финская армия, которая тогда также приняла активное участие в наступательной войне против СССР.

Однако, то, что определенная часть финнов в составе войск СС активно воевала против Красной армии на юге, очевидно, уже несколько смущало финское руководство. Дело в том, что летом и осенью 1941 г. Финляндии самой приходилось решать весьма непростые задачи ведения напряженных боевых действий с советскими войсками у стен Ленинграда и в Карелии. Объективно говоря, финской армии остро не хватало солдат и офицеров, которые в то время воевали либо на Украине, либо еще готовились к боевым действиям на полигонах Гросс-Борна. К тому же, активное формирование из финнов преданных делу рейха людей тоже не особенно устраивало финское руководство. Там явно очень болезненно воспринимало то, как в СС делали их финнов нацистских солдат /40/.

Поэтому, отвечавший за вербовку эсесовских волонтеров Э. Риекки, 2 августа 1941 г. направил в Берлин финскому военному атташе полковнику В. Хорну предложение постараться выяснить возможность возвращения на родину из Германии, по крайней мере, того батальона финнов, который к этому времени нацистами был уже сформирован и находился в Померании.

Но в финском дипломатическом представительстве в столице Третьего рейха к этой идеи отнеслись весьма негативно. Там считали, что нацисты после такого обращения к ним из Хельсинки просто «не поймут» Финляндию /41/. Далее уже в начале сентября финский посланник в Берлине Т. Кивимяки официально направил в своей МИД рапорт, в котором прямо указывалось, что подобные идеи в Хельсинки все же следует, вероятно, оставить /42/.

Тем не менее, несмотря на приходившие из рейха предостережения, финское руководство, действуя теперь уже сугубо по военной линии, продолжило выяснять перспективу возвращения добровольцев на родину. Маршал К. Г. Маннергейм даже отдал распоряжение, чтобы генерал Х. Эстерман, который тогда являлся представителем финской ставки при высшем германском военном командовании, лично занялся решением вопроса о возможности переброски финского эсесовского батальона в Финляндию. Однако в положительном смысле тогда для Хельсинки данная проблема так и не была разрешена. Более того, Т. Кивимяки вынужден был отправить 18 сентября лично К. Г. Маннергейму подробные обоснования причин, почему не следует поднимать в немецком руководстве вопроса о месте дислокации финских эсесовцев. В направленном маршалу письме, посланник особо подчеркивал, что подобные просьбы могут вызвать лишь раздражение и это раздражение, по мнению Т. Кивимяки, прежде всего, будет проявляться у влиятельнейшего в немецком руководстве человека - рейхсфюрера СС Г. Гимmlера, что уже само по себе, как считал финский посланник, может негативно сказаться на Финляндии /43/. В целом, в Хельсинки так и не рискнули в 1941 г. начать обсуждать с нацистами перспективы возвращения своих добровольцев.

Тем временем, военнослужащие финского эсесовского батальона 15 октября 1941 г. приняли присягу, которая еще более усилила их зависимость от Германии и от командования СС. К тому же, пройдя суровую школу эсесовских инструкторов, бойцы финского батальона получили устойчивые представления о самых главных принципах, на которых строилось все система руководства в войсках ваффен-СС. Эти принципы, прежде всего, основывались на установке, что их «подчинение должно было быть беспрекословным» /44/.

Таким образом, подготовив новых эсесовцев, германское руководство принимает решение направить их в боевые порядки своих войск на южный участок восточного фронта. В резуль-

тате, солдаты финского батальона «полные сил и энергии» /45/ с 4 декабря 1941 г. по железной дороге начали перебрасываться на юг России. Они должны были пополнить части полка «Норланд», входящего, как известно, в дивизию «Викинг».

Что же касается самой этой дивизии, то она была к этому времени уже серьезно потрепана. В момент начала переброски финского батальона части дивизия пытались вести непрерывное наступление. Они тогда находились уже в районе Азовского моря под Ростовом-на-Дону. Именно там стали разгораться ожесточенные бои, в которых советские войска, стойко сдерживая наступление противника, не допускали его прорыва к Кавказу.

В результате битва за Ростов в конце 1941 - начале 1942 гг. стала одной из ключевых, с точки зрения событий на южном участке советско-германского фронта. Эти события по своему накалу могли тогда иметь сравнение только с Тихвинской оборонительно-наступательной операцией под Ленинградом и битвой за Москву. Все данные операции вошли в анналы истории Великой Отечественной войны и, фактически, именно тогда советские войска полностью уничтожили надежду германского командования на «блицкриг», что означало и полное крушение первоначального плана войны против СССР.

В целом, обстановка под Ростовом-на-Дону складывалась таким образом, что дивизия «Викинг», вместе с другими частями немецкой армии 21 ноября 1941 г. захватила этот город. Для финских эсесовцев к этому времени, однако, потери только продолжали нарастать. Теперь, за более чем пять месяцев войны, в рядах финского СС недосчитались уже прядка полутора сотен бойцов, 40 из которых погибли, а около 100 получили ранения /46/. Однако для самого германского командования, как оказалось, и взятие Ростова был временным успехом. 27 ноября началось мощное контрн наступление, которое позволило соединениям Красной армии освободить Ростов-на-Дону. Причем на улицах города дело нередко доходило даже до рукопашных схваток /47/.

В конечном итоге немецкие войска, «оставив за спиной, - как заметил Р. Батлер, - горы трупов», были отброшены от Ростова на 60 - 80 километров /48/. Это было первым крупным поражением немецких войск на южном фланге советско-германского фронта, а дивизия «Викинг» тогда понесла весьма существенные потери, лишившись к тому периоду уже трети своего первоначального состава /49/. Ее поражение, также как и немецкой армии в целом полностью завершило и то наступление группы армий «Юг», которое началось еще с границы СССР в западной Украине. Теперь уже в азовских степях создавалось некоторое равновесие сил. Что же касается дивизии ваффен-СС «Викинг», то она, наконец, перешла к обороне, а ее линия фронта на достаточное длительное время стабилизировалась /50/.

Собственно именно тогда финский батальон и был доставлен в боевые порядки дивизии. При этом, важно заметить, что его появление здесь несколько меняло перспективы в дальнейшем исследовании конкретного вклада финнов в летопись их службы в эсесовских войсках. С этого момента, по имеющимся источникам, уже стали открываться более широкие возможности для конкретного и предметного рассмотрения деятельности именно финнов в составе дивизии.

И первое, что, очевидно, необходимо учитывать, было то, что финны заняли позиции вместо третьего батальона полка «Норланд», поскольку к моменту их прибытия этот батальон был уже разгромлен и командованию дивизии теперь требовалось отвести его с фронта на доукомплектование /51/. В результате, как только все подразделения финского батальона были доставлены к месту назначения и они там «освоились», был отдан приказ, «занять позиции на передовой, обороняя западный берег реки Миус» /52/.

В итоге, начиная с 22 января 1942 г. батальон перешел к реальным боевым действиям. Он занял передовые позиции на фронте перед подразделениями советской 31-й стрелковой дивизии /53/. К началу реальных боев, тогда в батальоне насчи-

тывалось порядка 768 солдат, из которых более 90 человек являлись немцами, а все остальные были финны /54/.

Следует, однако, заметить, что, брошенные на передовую, «необстрелянные» финские эсесовцы сразу же стали попадать в весьма сложные ситуации. По воспоминаниям бойца В. Неппонена, который тогда оказался в составе пулеметного расчета, «из-за своего безрассудства многие ребята были убиты уже при первом боевом столкновении» /55/. Так на практике начали проверяться первые результаты прошедшей «учебы» немецких эсесовских инструкторов на полигонах в Гросс-Борне.

Тем не менее, в целом позиционная, окопная война, к которой перешли части дивизии «Викинг», позволила финнам «в спокойной обстановке» полностью адаптироваться к фронтовым условиям. Единственное, к чему финские эсесовцы оказались тогда явно не готовы, было лишь то, что они пока так и не могли проявить какую либо особую боевую доблесть на своем участке фронта. Поэтому первые месяцы фронтовой жизни, «зима в окопах...», холод, нехватка продовольствия, а весной 1942 года всё то же однообразие окопной войны», разумеется, не могли вселить в финских солдат особый боевой дух /56/.

С другой стороны, в этой обстановке, естественно, у военнослужащих батальона было больше возможностей иметь контакты с местным гражданским населением, проживающим в районе дислокации их части. Особенно это стало возможным, когда батальон был переброшен в район села Александровка /57/. Новая позиция также была расположена вдоль реки Миус, но здесь было достаточное количество местных жителей. В условиях же весны, когда позиции батальона стали «окружать цветущие фруктовые сады» /58/, общее настроение у финских военнослужащих, казалось, явно начало налаживаться. Также происходила благоустройство всей фронтовой жизни. В частности, например, «командный пункт батальона был обустроен в доме в самом центре села. На его крыше этого здания даже создали специальный наблюдательный пункт, который при условии хоро-

шей видимости позволял просматривать часть территории противника» /59/. Иными словами, финны начали уже хорошо обживаться на новом месте и привыкать к фронтовой, окопной жизни.

Однако, по имеющимся доступным источникам, нельзя сказать, что финские эсесовцы, оказавшиеся в приазовской части СССР, как-то по-особому, отличающему их от немцев, стремились относиться к местным жителям. Они, как и полагалось в СС, проявляли свое откровенное высокомерие и нескрываемое «расовое превосходство» по отношению к проживающему здесь гражданскому населению. Как отмечается современными финскими исследователями, у военнослужащих эсесовского батальона тогда явно наблюдалась демонстрация «нормальных черт финского национального предрассудка,... выразившегося в чувстве превосходства, а иногда и презрения завоевателей» к представителям «отсталых и слабообразованных» местных жителей /60/.

К тому же, естественно, финны не могли также не стать, по крайней мере, свидетелями массовых расстрелов военнопленных и гражданского населения, которые осуществлялись тогда в этих местах по приказу эсесовского руководства. Как замечает финский исследователь Ю. Рислакки, тогда военнослужащие дивизии «Викинг» «принимали участие в характерных для СС жестоких мерах по отношению к гражданскому населению и пленным, даже если у многих финнов это могло вызывать ужас» /61/. Однако, судя по сохранившимся дневниковым записям молодых финских добровольцев СС, у исследователей создавалось впечатление, что свои «сообщения о кровавых еврейских расстрелах они фиксировали в достаточно нейтральном тоне» /62/. Это происходило, несмотря на то, что только в одном Мариуполе, где размещался штаб дивизии «Викинг» были казнены десятки тысяч человек. Там, в частности, погибло около 1500 раненых и больных советских военнопленных, которых демонстративно расстреливали «в дни траура», объявленного после поражения немецкой армии на восточном фронте.

Кстати, именно в Мариуполь в командировку был направлен и новый представитель финской ставки при германском командовании генерал-лейтенант Пааво Талвела. Он тоже в годы войны вел свой дневник и поэтому можно было, обратившись к его записям, представить ту обстановку, которую он там наблюдал среди финских эсесовцев. Судя по дневниковым записям, на П. Талвела финский «батальон произвел бодрое и хорошее впечатление», также как приятное впечатление произвел на финского генерала и сам командир дивизии группенфюрер СС Ф. Штайнер, который 16 мая 1942 г. с ним лично встретился. Как отметил Талвела, он его «принял любезно» /63/. Эта «любезность», впрочем, была вполне понятна, поскольку представитель финской ставки прибыл к нему на аудиенцию с тем, чтобы вручить высшую награду своей страны времен Второй мировой войны - Крест первого класса ордена «Креста свободы». Эта награда вручалась за особую храбрость и отвагу. Так финское военное руководство решило отблагодарить командира дивизии ваффен-СС «Викинг».

Тем не менее, достаточно тихая и спокойная жизнь для батальона заканчивалась /64/. В начале июля 1942 г. германское верховное командование начало свое новое мощное наступление на юге России. Целью этого наступления являлся прорыв немецких войск к Кавказу и северному побережью Черного моря. Большая роль в готовящемся наступлении также было отведено дивизии «Викинг». Теперь ее войска были оснащены уже новейшей по тем временам боевой техникой. Перевооружены были, естественно, и финские эсесовские части. Конкретно, они тогда получили последние образцы германской бронетехники /65/. Это позволяло осуществлять достаточно мобильные и стремительные наступательные операции.

В итоге, уже в первые дни наступления дивизия «Викинг», совместно с другими частями германской армии, опять захватила Ростов. Далее, используя свои моторизованные части, немецкие войска смогли расширить возникший в боевых поряд-

ках советских войск прорыв и более того форсировать реку Кубань. Тем самым германская армия устремились непосредственно на Северный Кавказ. Теперь направления ее главных ударов стал Майкоп и Грозный.

Однако финский батальон, шедший во втором эшелоне наступления, пока в зону активных боевых действий не вводился. Лишь только 10 августа, наконец, немецкое командование в полном объеме подключило его к наступательным операциям /66/. Это произошло в момент, когда подразделения механизированные дивизии «Викинг» уже взяли Майкоп. Фактически, для германского командования захват этого нефтеносного района означал решение весьма важной задачи, начавшегося наступления, поскольку именно через этот город по нефтепроводу Грозный - Туапсе шла прокачка майкопской нефти в туапсинский порт. В итоге, немецкие войскам перерезали этот нефтепровод, но добиться большего они так и не смогли. Получение важной для Германии нефти им так и не удалось, поскольку они «обнаружили лишь взорванные и совершенно непригодные для дальнейшего использования нефтеперерабатывающие предприятия» /67/.

Однако, теперь дивизии «Викинг» предстояло уже непосредственно приступить к форсированию хребта кавказских гор с тем, чтобы прорываться к побережью Черного моря. Это была весьма сложная операция, которая требовала от бойцов обладания соответствующими навыками. Более того, здесь начало нарастать сопротивление советских войск. Поэтому южнее Майкопа разгорелись яростные бои, где части дивизии всеми силами пытались взломать оборону противника и выйти к району Туапсе /68/. Финский батальон, естественно, тоже наступая на данном направлении, принимал самое непосредственное участие «в ожесточенных и кровавых боях» в кавказских горах /69/. Причем, как считали тогда в генштабе сухопутных сил вермахта, на этом направлении «без дивизии СС “Викинг” не обойтись» /70/.

Но, с другой стороны, важным для германского военного

руководства был и дальнейший захват всех остальных советских энергетических районов Северного Кавказа. Стратегическая цель - «выдвижение к Каспийскому морю и нефтяным месторождением Баку» /71/ постепенно у гитлеровского руководства начала выдвигаться на передний план. Считалось, что успешное осуществление этой операции позволит не только улучшить снабжение горюче-смазочным материалом немецкой боевой техники, но также поможет в пользу рейха вообще решить исход всей войны. В Берлине, очевидно, полагали, что реализация задуманного плана приведет еще и к тому, что лишит «русских нефтеносных районов» и это будет означать «смертельный удар» по СССР /72/.

В результате, цель овладения нефтеносными территориями этого региона становилась для немецких войск центральной. Было решено, что части мобильной механизированной дивизии «Викинг» срочно нужно перебросить с туапсинского на грозненское направление. Принимая это решение, германское командование явно учитывало то, что «единственный нефтеносный район в пределах нашей [немецкой] досягаемости был Грозный» /73/. Поэтому в распоряжении, отданном Ф. Штайнеру, указывалось: «Вся армия смотрит на вашу дивизию. Перед вами стоит задача расчистить для армии путь к Грозному» /74/.

И механизированные части этой дивизии, действуя уже на острие начавшегося наступления, старательно принялись выполнить поставленные перед ними задачи. В итоге, основные боевые операции для финского батальона теперь переместились на грозненское направление. Эсесовские подразделения стали развивать свое наступление, действуя на правом берегу Терека, южнее города Моздок. Части дивизии, в которые собственно входил финский батальон, пытались отсюда прорваться к ингушскому городу Малгобеку.

Однако активное применение механизированных частей в сложных условиях кавказских гор было очевидной ошибкой германского командования. Как отмечают военные исследова-

тели: «Оказавшись под прикрытие гор, русские начали оказывать более серьезное сопротивление». Далее также отмечалось, что «отличающиеся крепким моральным духом русские использовали каждое ущелье, пещеру и перевал, чтобы сдерживать наступавшие» силы немецкой армии /75/.

Это продемонстрировали уже самые первые боевые столкновения подразделений полка «Норланд», которые у него здесь начались «в морозную туманную ночь с 25 на 26 сентября 1942 г.». Как было затем зафиксировано, уже «через полчаса после начала атаки половина солдат, а также несколько офицеров и унтер-офицеров были убиты или ранены» /76/.

Объективно, тут действительно завязались весьма ожесточённые бои, которые фактически продолжались в течение целого месяца /77/. Причем, по мнению весьма благосклонного к боевым результатам дивизии «Викинг» немецкого исследователя Т. Хоффмана, в условия яростных схваток финны, как и представители других национальностей, входивших в состав этой дивизии, действительно «познали ужасы войны». Но это, по его наблюдениям, лишь позволило им еще более «фанатичнее... выполнить задачу, которую они взяли на себя» /78/.

Малгобек несколько раз переходил из рук в руки и, в конечном итоге, город эсесовцами был взят /79/. Однако этот успех никоим образом не изменил ситуацию, которая тогда сложилась на данном участке фронта. Подразделения дивизии вынуждены были отчаянно оборонять захваченные «огромные нефтяные разработки», поскольку советские войска сразу же перешли в ожесточенное контрнаступление.

В разгоревшихся после взятия Малгобека боях, также особо проявили себя части финского батальона. Подчиненный штурмбанфюреру СС (майора) Г. Коллани штурмовой отряд под командованием оберштурмфюрера СС (старшего лейтенанта) Тауно Похьянлехто, 9 октября 1942 г. сумел захватить одну из стратегически важных высот за этим городом /80/. Более того, финны, «несмотря на тяжелые потери, в течение целого дня

удерживали эту высоту» /81/. Однако, как заметил Р. Батлер, «на фоне других событий эта удача мало что значила» /82/. Перспектив к развитию дальнейшего наступления, которое бы сделало бы возможным осуществить «широкомасштабную операцию по захвату далекого Грозного» у немецкого командования уже не оставалось /83/. Части дивизии несли колоссальные потери /84/. Наконец, в конечном итоге, германское командование принимает решение и здесь перейти к обороне.

Что же касается частей дивизии «Викинг», то их еще раз срочно перебрасывают на другой участок фронта. Теперь финский батальон оказался в юго-западном секторе кавказского наступления, где в то время шли очень напряженные бои в горах в районе северо-осетинского города Алагир. Германские войска пытались через Алагир прорваться к лежащему в 54 км западнее от него городу Орджоникидзе (Владикавказу). Цель этого наступления заключалась в том, чтобы выйти в долину реки Сунжа и уже оттуда, наступая вдоль этой реки, опять начать продвигаться к Грозному /85/. Однако подразделения дивизии никак не могли решить поставленную перед ними задачу, везде встречая яростное сопротивление советских войск. В результате, силы наступающей германской армии стремительно начали таять. Фактически, как признают исследователи, у немецкого командования здесь, когда «до стратегически важной цели - Грозного - оставалось всего 80 км» не оставалось достаточно «ресурсов, чтобы идти дальше» /86/.

При этом любопытным стали новые наблюдения П. Талвела, которые он зафиксировал в своем дневнике. Дело в том, что финский генерал вновь прибыл тогда в боевые порядки финского батальона. Но его посещение оказалось не столь приятным, как в предыдущий раз. П. Талвела вынужден был в это время мрачно заметить очевидное падение боевого духа у финских солдат. Для представителя финской ставки к тому же было особенно неприятно, что в батальоне явно стали наблюдаться «большие потери» /87/.

Следует заметить, что данная констатация финского генерала была совершенно верной. Действительно за время боев на Кавказе в сентябре - октябре 1942 г. финский батальон понес самые существенные для него тогда утраты - 88 человек было убито и около 380 ранено /88/. Что же касается П. Талвела, то он, стремясь вселить в финских военнослужащих СС чувство уверенности, став активно раздавать всем тем, кто в этих боях был ранен разнообразные финские награды /89/. Но это, конечно, для солдат батальона становилось слабым утешением, поскольку немецкое наступление на Кавказе явно стало «пробуксовывать».

С другой стороны, потери, понесенные в ожесточенных боях 1942 г., естественно, требовали нового пополнения добровольцев из Финляндии. Нацистское командование это хорошо понимало и поэтому, возникшая тогда проблема, стала уже предметом обсуждения с финским руководством. В этом плане, готовя почву для начала новой дискуссии по данному вопросу, в германском дипломатическом представительстве в Хельсинки приступили к демонстративному обсуждению с финскими высокопоставленными лицами вопроса о значении их батальона СС для успешных боевых действий рейха на кавказском участке восточного фронта. Они принялись откровенно восхищаться боевыми качествами и воинственным духом финских эсесовцев, подчёркивая, при этом, что в Берлине крайне удовлетворены этими солдатами, поскольку «батальон, воевал хорошо и получил от немецкого руководства весьма благоприятные отзывы» /90/.

Очевидно, что этими рассуждениями нацисты стремились создать наиболее благоприятную обстановку, которая бы позволила на самом высоком уровне приступить к переговорам о дополнительном наборе в эсесовские войска финских граждан. И, действительно, для встречи с финским руководством 27 июля 1942 г. в Финляндию лично прибыл сам рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. Несмотря на вероятную загруженность своими текущими

делами, шеф эсесовцев здесь провел весьма продолжительное для периода войны время. Гиммлер встречался и вёл с финнами переговоры больше недели до 3 августа.

Конкретно он тогда встречался с высшим финским командованием /91/, но кроме того была и аудиенция и с президентом страны Р. Рюти. Несомненно, именно эти переговоры стали решающими с точки зрения выработки финским высшим руководством своего отношения к идее организации нового пополнения для войск СС, воюющих на Кавказе. Что же касается Гиммлера, то он не стеснялся в похвалах обращенных к солдатам финского батальона. В ходе беседы он, в частности, даже отметил, что сам лично «неравнодушен к дивизии “Викинг” и особенно беспокоится о финских мальчиках», указывая при этом «их тщательную военную подготовку» /92/. В целом, несмотря на то, что в это время в Финляндии явно наблюдался дефицит мужского населения, боеспособного возраста и это ощущалось как на фронте, так и особенно в тылу /93/, Гиммлер сумел подобрать нужные слова, для того, чтобы склонить финнов к «взаимопониманию» по данному вопросу. Договорились, что несмотря ни на что, на Кавказ из Финляндии будет направлено еще порядка 200 человек, причем, как указано в документах К. Г. Маннергейма, больше половины этих новых финских резервистов оказались лицами весьма боеспособного возраста - 21-22 года /94/. Более того, все призванные в СС финские военнослужащие имели хороший опыт боевых действий против советских войск на фронте /95/.

Пополнение в расположение финского батальона прибыло уже в начале декабря 1942 г. /96/. Причем новобранцы оказались на фронте в распоряжение командования дивизии «Викинг» не только в качестве соответствующей смены раненым и погибшим. Ими также решили заместить еще часть финских эсесовских солдат, которых тогда для повышения их «образовательного уровня» направили в рейх. Они стали обучаться в специальной офицерской школе, в соответствии с «особенностями

национал-социалистической идеологии и в духе учения рейхсфюрера СС Генрих Гиммлер». Важной задачей обучения в этой школе являлась пропаганда особой миссии Германии. Поэтому в школе под особый контроль был поставлен идеологический вопрос, связанный с раскрытием задач гитлеровцев в плане формирования будущей «новой Европы» /97/. Таким образом, нацисты приступили среди финских эсесовцев к более обстоятельной подготовке преданных сторонников делу Третьего рейха.

Однако, ситуация на фронте складывалась для Германии отнюдь не так благоприятно, как тому учили финских эсесовцев. К этому времени уже вступила в свою завершающую стадию Сталинградская битва. 23 ноября на Волге была окружена советскими войсками ударная группировка немецкой армии. Катастрофическое положение, с которым столкнулось нацистское руководство на южном участке восточного фронта, потребовало срочного отвода своих войск с территории Кавказа. В результате, немецкая армия стала с боями откатываться назад к Ростову. В итоге, в январе 1943 г. финский батальон в общем потоке немецкого отступления опять достиг низовьев Дона /98/.

Более того, через два дня после капитуляции немецких войск под Сталинградом, 4 февраля 1943 г., части дивизии «Викинг» также вынуждены были оставить все свои позиции на левом берегу Дона. Причем организацию прикрытия этого отступления и сдерживание натиска советских войск было доверено именно финскому батальону. Теперь бойцы этого подразделения явно уже хорошо себя зарекомендовали в составе дивизии, поскольку сражались «особенно стойко» /99/.

Тем не менее, для немецкой войск, в которых входили части дивизии «Викинг», тогда возникла новая явная угроза. Советское командование готовило мощный прорыв в направлении Азовского моря. Здесь планировалось окружить большую часть из южной группировки немецкой армии. Опасаясь повторения в степях нижнего Дона событий Сталинграда, 14 февраля немецкое военное руководство решило оставить Ростов. В результате

германские части опять начали отступление. Причем сразу этот отход обнаружила советская разведка, поэтому войска Южного фронта Красной армии быстро заняли сначала Новочеркасск, а затем и Ростов /100/.

Лишь только 17 февраля 1943 г., достигнув рубежа реки Миус, советское наступление приостановилось. В итоге, финский эсесовский батальон через год вернулся приблизительно туда, где в январе 1942 г. начал свою «боевую историю». Но теперь как сам этот батальон, так и другие подразделения дивизии «Викинг» уже находились в достаточно плачевном состоянии. В целом, как считает исследователь Р. Батлер, подразделения дивизии явно «после изматывающих боев на Кавказе, Дону и Миусе... охватила усталость» /101/.

Тем не менее, по решению германского командования, дивизии предстояло еще срочно организовать контрнаступательную операцию, которая должна была развиваться в направлении поселка Красноармейское. Боевая задача для подразделений дивизии заключалась в том, чтобы помешать масштабному окружению большого количества немецких войск севернее Азовского моря. В итоге, опять разгорелись ожесточенные бои. Теперь под натиском эсесовцев уже советские части вынуждены были, «неся значительные потери», отбивать эти атаки /102/. Таким образом финский батальон, принимавший непосредственное участие в этом наступлении, строго выполнял отданный в данный момент приказ А. Гитлера демонстрировать «мужество, выдержку и ответственность» /103/.

Фюрер сам тогда лично находился в районе разгоревшихся боев. Конкретно, он прибыл в штабе группы армий «Юг» с тем, чтобы, очевидно, пытаться повлиять на складывающуюся ситуацию на фронте. Финские же эсесовцы его приказы в меру своих возможностей, естественно, стремились выполнить. Однако титанические усилия, которые в то время предпринимали части дивизии «Викинг» не могли не отражаться на их состоянии. Количество потерь среди личного состава дивизии стре-

мительно росло. Причем в этих боях гибли не только рядовые солдаты. Тогда, например, погиб и командир полка «Вестланд» /104/. Но наряду с этим выходила из строя военная техника и падала в целом боевая мощь всего соединения. Теперь, как, в частности, заметил Батлер, «ущевшие после боев на Кавказе, Дону и Миусе бойцы “Норланда”, “Германии” (название полка дивизии. - В. Б.) и “Вестланда” были не в состоянии быстро продвигаться» вперед /105/. Но к счастью, для этой дивизии, на южном секторе восточного фронта, после жарких боев зимы 1943 г., началось кратковременное затишье. Окружить немецкие части в Приазовье советским войскам так и не удалось. Линия фронта стабилизировалась

Это временное прекращение активной фазы боевых действий позволил германскому командованию подвести определённые итоги тому, что к данному моменту случилось с дивизией «Викинг». Действительно, ее подразделения в меру своих способностей справлялись с поставленными перед ними задачами, но это стоило дивизии колоссальных жертв. Как по данному поводу заметил Т. Хоффман: «Потери были огромны. Только лишь 1000 с небольшим солдат остались в подразделении» /106/. Все это требовало от германского командования принятия решения о необходимости срочного отвода частей дивизии с передовой, с тем, чтобы ее личный состав получил возможность на некоторое время отдохнуть и оправиться от непрерывных боев. 16 марта 1943 г. такой приказ поступил в штаб дивизии и она была отведена с линии фронта /107/.

Что же касается остатков финского батальона то их, также, естественно, сняли с передовой. Они отводились с фронта в составе изрядно потрепанного полка «Нордланд». Причем данное подразделение вынуждены были даже отправить глубокий тыл, поскольку для него требовалось уже серьезное переформирование и пополнение. Финский батальон был направлен в юго-восточную часть Баварии в район Рухполдинга /108/. Решение по этому вопросу было принято 10 апреля 1943 г. /109/.

Причём очевидно оно было продиктовано теми же соображениями, что и в отношении всех остальных частей дивизии. Потери личного состава финского батальона были гигантскими. Они составили тогда 270 убитых и около 700 раненных /110/. Эти цифры означали, что, чуть ли не половина прибывших когда-то в Германию добровольцев из Финляндии оказались либо убиты, либо получили серьезные ранения. Любопытно, что финский военный историк К. Ю. Микола даже сравнивает данные потери по своим масштабам (в процентном отношении) с потерями в 1944 г. на Карельском перешейке 2-й пехотной дивизии финнов в ходе наиболее напряженных боев с наступающими советскими войсками /111/.

Но спасительным для тех финских эсесовцев, которые ещё хотели остаться в живых, было то, что к лету 1943 г. уже заканчивался их контракт, по которому они должны были нести службу в войсках ваффен-СС. Этот контракт подписывался поступающими в эсесовские части волонтерами еще в 1941 г. Он рассчитывался на два года, поскольку, очевидно, накануне нападения на Советский Союз, в Германии твердо рассчитывали на быструю победу. В рейхе, вероятно, считали, что двухгодичный отрезок времени службы в СС полностью будет достаточным, чтобы решить все вопросы, связанные с победой над СССР. Теперь же наступало время, когда для контрактников возникала перспектива вполне благородного права выбора: либо продлить соглашение, либо отправляться на родину.

Нужно отметить, что тогда уже у многих из тех, кто служил вместе с финнами в войсках СС, начали возникать откровенные «мечты» о возвращении на родину. Особенно «демобилизационные настроения» стали нарастать тогда у скандинавов. Некоторые эсесовские военнослужащие из Дании и Норвегии даже пытались нелегально покинуть дивизию. Обычно, как было замечено, «они заявляли, что больны, а потом, пользуясь положенным отпуском, старались проскочить границы и сбежать

домой, не собираясь возвращаться для дальнейшей службы» /112/.

Что же касается финнов, то на стороне тех, кто уже решил завершить свое пребывание в немецких войсках, оказалось финское государство. Дело в том, что с начала 1943 г. Хельсинки стали все больше и больше склоняться к мысли, что настал, наконец, момент, когда нужно добиваться полного возвращения своих волонтеров из Германии на родину. Эти взгляды рождалась в обстановке, когда руководство страны также пришло к заключению, что и для самой финской армии тоже настало время завершить свои боевые действия и стране уже пора выйти из войны. Естественно, что данное решение могло появиться только после начала коренного перелома в ходе Второй мировой войны /113/. Причем ярким симптомом в проявлении этой линии в политике Финляндии стала демонстрация ее военного руководства в отношении финнов, служащих под знаменами рейха в вермахте. Тогда Маннергейм прямо обратился к командующему 20-й немецкой горнострелковой армией, дислоцирующейся на севере Финляндии, с просьбой вернуть ему в подчинение часть финских войск, которые до этого находились под немецким руководством /114/.

Очевидно, что, решив искать пути выхода из войны, финское правительство не могло игнорировать еще и тот факт, что порядка «1000 финнов служат в вооруженных силах, считающиеся нацистскими войсками» /115/. Поэтому следующим шагом Хельсинки явилось решение о том, что период, который, вступившая в батальон СС «молодежь пользовалась освобождением от службы в финской армии», тоже уже закончился /116/.

Этот подход в отношении эсесовцев был выработан во внешнеполитической комиссии правительства. Тогда в руководстве просто решили, что далее финнам «не следует разрешать продолжение службы в рядах иностранной армии и одобрить положение о запрещении впредь вербовки в Финляндии новых эсесовцев» /117/. Это изменение в политике руководства страны,

очевидно, было связано с крушением перспектив образования как «великой Германии», так и «великой Финляндии». Несомненно, в Хельсинки считали, что общая дорога с нацистами может только привести к катастрофе и в этих созданных условиях страна лишь «компрометирует себя тем, что финны служат в национал-социалистических формированиях» /118/.

И вот, в момент, когда финский батальон был выведен с фронта, в апреле 1943 г., в узком кругу финского руководства данный вопрос был окончательно решен. Договорились, что К. Г. Маннергейм вручит нацистам соответствующее по этому поводу представление /119/. Так наступали последние месяцы эсесовской службы для бывших финских добровольцев.

Что же касается Германии, то она не могла препятствовать в период отдыха военнослужащих финского батальона возможности их возвращения на родину. В результате, вполне организованно остатки эсесовского батальона были перевезены из Руполдинга через оккупированную немцами Восточную Европу в Прибалтику, а затем из Таллинна по Финскому заливу 1 июня их доставили в порт Ханко.

Возможно, не всем из прибывших тогда на финскую землю эсесовцам было понятно, что на этом у них уже полностью завершается их немецкая служба. Об этом можно было говорить, поскольку чуть позже 3 июня 1943 г. в Тампере батальон даже организовал торжественный парад. Причем вышколенные финские солдаты дивизии ваффен-СС «Викинг» на этом церемониале полностью соблюдали все принятые у нацистов особые ритуальные жесты и характерные для фашистов приветствия на немецком языке.

Более того, формально, финский эсесовский батальон не должен был тогда быть распущен. Его военнослужащих официально лишь были переведены из Германии в Финляндию с целью поправки «пошатнувшегося здоровья», а также для прохождения полагающегося всем эсесовцам отпуска /120/. Но, на самом деле, в финском руководстве приняли уже окончательное

решение. Никого из этого батальона возвращать в рейх не собирались.

Более того, в Хельсинки особой тайны по этому поводу делать тоже не планировали. Так, о принятом в отношении эсесовского батальона вердикте, весьма откровенно сообщили даже зарубежным дипломатам. Так, в частности, были тогда поставлены в известность американские представители, которые в 1943 г. все еще работали в Финляндии /121/. Что же касается официальной информации, которая должна была все же последовать по данному поводу германскому руководству, то маршал Маннергейм эту миссию взял на себя. В своей ставке в Миккели он 27 июня встретился с представителем немецкого командования генералом В. Эрфуртом и сообщил, что для продолжения ведения войны «в Финляндии существует потребность в своих собственных сыновьях» и, что у финских добровольцев нет «обязательства продолжать службу» в Германии /122/.

В новых условиях рейх не смог полностью заблокировать данное решение. В Берлине оставалось лишь негодовать и квалифицировать Финляндию, по заявлению Гимmlера, как «шатающуюся» и «вшивую» страну /123/. Единственно, на что в рейхе еще могли надеяться было стремление добиться от финского руководства согласия на то, чтобы «после отдыха желающие из бывшего батальона,... смогли получить разрешение опять стать добровольцами» для службы в СС /124/. Но это было уже мало реальным делом. Как заметил в своих воспоминаниях Маннергейм: «Хорошо, что бойцы батальона на момент его расформирования оказались в отпуске в Финляндии... Я понял, что наступил подходящий момент: следует запретить бойцам возобновлять контракты» /125/. Что собственно и было сделано. Гимmlеру же при этом ничего не оставалось, как 11 июля 1943 г. своим приказом вообще расформировать батальон. Тогда по эсесовским войскам было официально объявлено, что батальон «увольняется со службы... и переходит в подчинение финских вооруженных сил» /126/.

Любопытно, однако, что ни о каком переходе «в подчинение финских вооруженных сил» у этого батальона не произошло. Финское командование решило действовать еще более радикально и пошло дальше того, на что, вероятно, еще надеялся Г. Гиммлер. Маршал К. Г. Маннергейм решил вообще ликвидировать этот батальон в составе финских вооруженных сил и, таким образом, бывших эсесовцев как единого подразделения в финской армии просто не осталось. Бывшие солдаты СС теперь получили новые назначения в различные войсковые части /127/. Таким образом, в Хельсинки не рискнули оставлять у себя в качестве самостоятельного подразделения батальон, который целиком состоял из солдат, прошедших суровую школу эсесовской подготовки. Это, очевидно, говорило, прежде всего, о том, что прежним эсесовцам в Финляндии не доверяли и не доверяли конкретно по «политическим» соображениям. В итоге финский батальон СС полностью прекратил свое существование.

Однако на этом, как оказалось, служба бывших эсесовцев своему немецкому командованию до конца пока еще не закончилась. Так, по крайней мере, считали в руководстве СС. В результате, в Берлине в отношении бывшего финского батальона стали строить свои собственные виды...

** Первая часть статьи опубликована в сборнике «Труды кафедры Истории Нового и новейшего времени». СПб., 2009. № 3. С. 111-133.*

(продолжение в следующем выпуске сборника)

1. Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 201; Stein G. H., Krosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte. 1966, 4.10. S. 443.
2. Jokipii M. Op. cit. S. 201; Семенов К. К. Иностранцы добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте. // Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 468.
3. Jokipii M. Op. cit. S. 202; Stein G. H., Krosby H. P. Op. Cit. S. 444.
4. Jokipii M. Op. cit. S. 201.

5. Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». М., 2009. С. 8.
6. Ганс Коллани погиб в Прибалтике в 1944 г. (См.: Красная звезда. 19.08.1944.).
7. Нидермайер Г., Вальтерс Й. Дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Мемуары фронтовиков. М., 2009. С. 155.
8. См.: Stein G. H., Krosby H. P. Op. cit. S. 444 - 445.
9. Mikola K. J. Poliitiikkaa pataljoonana voimin // Historiallinen Aikakauskirja. 1969, № 4-1. S. 333.
10. Манштейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М., 2009. С. 202.
11. Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolshevismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa // Sotilasaikakauslehti. 1981, № 11. S. 784.
12. См.: Stein G. H., Krosby H. P. Op. cit. S. 445.
13. Mikola K.J. Op. cit. S. 333.
14. Манштейн Э. Указ. соч. С. 202.
15. Ahto S. Siilasvuo ja saksalaiset // Tuntematon sota. Hels.-Porvo, 1991. S.63.
16. См.: Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС Викинг, 1941 - 1945. М., 2006. С. 27; Нидермайер Г., Вальтерс Й. Указ. соч. С. 150 - 153; Posio S. Isänmaan puolesta Saksan ja Suomen armeijassa // Turun Sanomat. 2006. 22.4.
17. Манштейн Э. Указ. соч. С. 200
18. См.: Stalag 302, Gross Born - шталаг 302, Гросс-Борн (<http://www.proza.ru/2008/04/03/67> / см. 12.06.2010/).
19. Там же.
20. Manninen O. Op. cit. S. 784; Батлер Р. Указ. соч. С. 15.
21. Хоффман Т. Указ. соч. С. 8; Stein G. H., Krosby H. P. Op. cit. S. 443.
22. Фляйшман Г. По колено в крови. Откровения эсэсовца. М., 2009. С. 158.
23. Там же. С. 157.
24. Батлер Р. Указ. соч. С. 47.
25. См.: Кто был кто в Третьем рейхе. М., 2003. С. 464 - 465.
26. Цит. по: Батлер Р. Указ. соч. С. 45.
27. Там же.
28. Хоффман Т. Указ. соч. С. 8.
29. Тернополь. Электронная еврейская энциклопедия (<http://www.eleven.co.il/article/14093> /см.:12.06.2010/).

30. Там же.
31. См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. М., 1954. С. 585 - 589.
32. Батлер Р. Указ. соч. С. 48, 51
33. Там же. С. 48.
34. Там же. С. 53.
35. Там же. С. 47.
36. Хоффман Т. Указ. соч. С. 9.
37. Stein G. H., Krosby H. P. Op. cit. S. 444
38. Ibidem.
39. Цит. по: Батлер Р. Указ. соч. С. 54, 57.
40. См.: Stein G. H., Krosby H. P. Op. cit. S. 444.
41. Manninen O. Op. cit. P. 785
42. Ibid. S. 786.
43. Ibid. S. 787.
44. Цит. по: Батлер Р. Указ. соч. С. 18.
45. Jalonen J. Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäri-upseerin esikoisen silmin // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2008. № 27. S. 115.
46. Stein G. H., Krosby H. P. Op. cit. S. 444.
47. История Великой Отечественной войны 1941 - 1945. Т. 2. М., 1963. С. 224.
48. Батлер Р. Указ. соч. С. 65.
49. Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 10.
50. См.: Великая Отечественная война 1941 - 1945. Кн.1. М., 1998. С. 337.
51. Семенов К. К. Указ. соч. С. 468.
52. Jalonen J. Op. cit. S. 116.
53. Семенов К. К. Указ. соч. С. 468.
54. Suomalaisen varaaehtoispataljoonan nimiluettelo, 1942. 02.// <http://www.genealogia.fi/hakem/luettelo065s.htm> (см. 11.06.2010).
55. Цит. по: Posio S. Op. cit. Turun Sanomat. 2006. 22.4.
56. Jalonen J. Op. cit. P.120.
57. Nieme J., Pipes J. Volunteers in the Wehrmacht in WWII // Feldgrau.com - research on the German armed forces 1918 - 1945 (<http://www.feldgrau.com/articles.php?ID=19> /см. 13.06.2010/).
58. Ibidem.

59. Ibidem.
60. Jalonen J. Op. cit. S. 116, 117.
61. Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 171.
62. Jalonen J. Op. cit. S. 118.
63. Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. 2. Jyväskylä, 1977. S. 148.
64. См.: Jalonen J. Op. cit. S. 120 - 122.
65. Батлер Р. Указ. соч. С. 79.
66. Jalonen J. Op. cit. S. 123.
67. Фляйшман Г. Указ. соч. С. 319.
68. См.: Jalonen J. Op. cit. S. 124 - 125.
69. Nieme J., Pipes J. Op. cit., Feldgrau.com - research on the German armed forces 1918 - 1945 (<http://www.feldgrau.com/articles.php?ID=19> /см. 13.06.2010/).
70. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 314.
71. Хоффман Т. Указ. соч. С. 12.
72. Фляйшман Г. Указ. соч. С. 220.
73. Там же. С. 319.
74. Цит. по: Батлер Р. Указ. соч. С. 82.
75. Маккарти П., Сайрон М. Panzerkrieg: Бронетанковые войска III рейха. Взлет и падение. М., 2009. С. 152.
76. Хоффман Т. Указ. соч. С. 13.
77. Mikola K.J. Poliitiikkaa pataljoonana voimin. S. 334.
78. Хоффман Т. Указ. соч. С. 66.
79. См.: История Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 2. М., 1963. С. 464; Хоффман Т. Указ. соч. С. 14.
80. Батлер Р. Указ. соч. С. 84.
81. Хоффман Т. Указ. соч. С. 15.
82. Батлер Р. Указ. соч. С. 84.
83. Там же. С. 83.
84. См.: Хоффман Т. Указ. соч. С. 14.
85. История Великой Отечественной войны 1941 - 1945. С. 464.
86. Маккарти П., Сайрон М. Указ. соч. С. 152.
87. Talvela P. Op. cit. S. 194.
88. Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa // Jatkosodan pikkujättiläinen. Hels., 2006. S. 63.
89. Talvela P. Op. cit. S. 195.
90. Blücher W. Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935-44.

Porvoo-Hels., 1951. S. 302.
91. Jokipii M. Himmlerin Suomen-matka v. 1942 // Historiallinen Arkisto. 1962, № 58, S. 428.
92. Käymme ommaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat 1940 - 1944. Hels., 2006. S.201.
93. См: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 216 - 217.
94. Kansallisarkisto. G. Mannerheimin arkisto. Kokoelma 611 (Päämaja 1939-1944). Батальон СС.
95. Nieme J., Pipes J. Op. cit. Feldgrau.com - research on the German armed forces 1918 - 1945 (<http://www.feldgrau.com/articles.php?ID=19/cm.13.06.2010/>).
96. Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 64; Lehmus K. Kolme kriisiä. Hels., 1971. S. 45.
97. Jalonen J. Op. cit. S. 127.
98. Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 64.
99. Хоффман Т. Указ. соч. С. 18.
100. История Второй мировой войны. Т. 6. М., 1976. С. 133.
101. Батлер Р. Указ. соч. С. 87.
102. История Второй мировой войны. С. 136.
103. Цит. по: Там же.
104. Хоффман Т. Указ. соч. С. 22.
105. Батлер Р. Указ. соч. С. 93.
106. Хоффман Т. Указ. соч. С. 22.
107. Там же.
108. Семенов К. К. Указ. соч. С. 468.
109. Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 65.
110. Mikola K. J. Op. Cit. S. 335.
111. Ibidem.
112. Батлер Р. Указ. соч. С. 100.
113. См: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Указ. соч. С. 204 - 214.
114. Jokisipilä M. Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Hitlerin Saksan liittosopimusvaatimukset ja Rytin-Ribbentropin sopimus. Hels., 2004. S. 62.
115. Stein G. H., Krosby H. P. Op. cit. S. 448.
116. Linkomies E. Vaike aika. Suomen pääministerinä sotavuotia 1943-44. Hels., 1970. S. 232.

117. Ibidem.
118. Ibidem.
119. Ibidem.
120. Эрфурт В. Финская война 1941-1944 гг. М., 2005. С. 194.
121. См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943. V. III. Washington, 1963. P. 280 - 283.
122. Lehmus K. Op. cit. S. 47.
123. Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolshevismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa. S.787; Käymme ommaa erillistä sotaamme”. Risto Rytin päiväkirjat 1940-1944. S.255.
124. Lehmus K. Op. cit. S. 47; Эрфурт В. Указ. соч. С. 194.
125. Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999. С. 445.
126. Эрфурт В. Указ. соч. С. 195.
127. Lehmus K. Op. cit. S. 46.